

АННА ЛИТВИНОВА

КОГДА
МИЛЛИОНА
МАЛО

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Дизайн обложки С. Курбатова

Редактор серии А. Антонова

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Когда миллиона мало / Анна Литвинова. —
Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-123105-7

Когда тебе семнадцать, а в стране разруха и голод, трудно поверить в предсказание цыганки: «Тебя полюбит миллионер». Но юная Богдана верит и отправляется искать свое счастье за границу. Она устраивается горничной в богатую итальянскую семью. Ее зовет замуж обеспеченный молодой человек. Однако очень скоро красивая сказка обращается в кошмар. Богдана отвержена, лишена возможности общаться с тем, кто ей дорог, но сдаваться не собирается. В ее жизни появляются новые страны, удивительные мужчины, необычные профессии, и наконец счастье — вот оно, совсем рядом. Но только бывают ли сказочные финалы в современной России?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-123105-7

Памяти Тани Поляковой

Роман основан на реальных событиях

ПРОЛОГ

— Сильва, вставай! — пробивалось издалека сквозь туман.

Накрылась подушкой, натянула поверх нее одеяло.

— Сильва, подъем! — Голос мачехи совсем над ухом. Руки холодные, пальцы цепкие. Разоряет ее гнездо, выковыривает наружу.

— Ну, пожалуйста! Пять минут еще!

Одеяло и подушку сорвала, швырнула на пол. Отдернула шторы, люстру врубила во все шестнадцать лампочек.

Веки склеены. Пробираешь разлепить — словно горячий песок сыплут. Во сколько она уснула? Играть закончила в три утра. Потом еще вертелась. Переживала из-за проигрыша, продумывала стратегию на завтра.

— Сильва, уже половина восьмого!

Попыталась приподнять голову, не смогла, простонала:

— Пофиг.

— Да сколько это будет продолжаться! — Голос мачехи бьет прямо в мозг, сыплет булыжники на за-

тылок. Ухватила ее за щиколотки, стягивает с кровати — руки сильные, в тренажерке накачала. Сильва попыталась удержаться за изголовье, но пальцы соскользнули. Грохнулась на пол, ушибла пятую точку. Заорала:

— Да отвали ты от меня!

— Что ты сказала, дрянь?

— Что слышала! Не смей меня трогать, сука!

Еще полгода назад терпела, но в последнее время подумала: чего молчать, если ее оскорбляют?

Мачеха взярилась окончательно. Вцепилась в предплечье когтями (больно, останутся царапины), влепила с размаху пощечину. Глаза у Сильвы сразу разлепились, накатила ярость. Девушка примерилась и от души лягнула некровную родственницу в коленку. Получилось удачно — та отлетела.

— Сейчас еще врежу, — пообещала.

Но мачеха честной драки испугалась. Вопит:

— Игнацио! Помоги! Твоя дочь меня избивает!

— О, Матерь Божья, — простонала Сильва.

Очередное утро в любящей, блин, семье.

Отец явился немедленно — уже при галстукe, волосы блестят от геля, ремень тщетно пытается удерживать огромное брюхо.

Мачеха бросилась к нему — хромота показательна, руки заламывает, словно заштатная драматическая актриса:

— Она ударила меня! Она посмела меня ударить!!!

— Сильвия. — Отец сузил глаза. — Ты потеряла разум?

Все детство от его ледяного тона сердце в пятки уходило. А недавно вдруг осенило: «Да чего его бояться? Придурок! Бочонок на ножках! И предатель».

Она бесстрашно приблизилась, ткнула под нос предплечье — царапины, нанесенные противницей, эффектно сочились кровью. Набычилась, буркнула:

— Скажи этой своей... пусть не трогает меня. Тогда и я ее трогать не буду.

Отец молчал, жевал губы. Похоже, примерялся — как ударить побольнее, но чтобы без следов. Сильвия бросилась к письменному столу, схватила ножницы, оцетинилась:

— Только тронь. Глаз выколю.

— Кого мы вырастили! — взывала мачеха. — Давай полицию вызывать!

Девушка отбросила ножницы. Да, что-то совсем понесло ее с недосыпа. Надо назад отыграть, извиниться. Признать, что виновата, допоздна засиделась за компом. Объяснить: сложно вставать в семь, когда поспала только три часа. Попросить: она прогуляет два первых урока. А завтра — как штык, подскочит. Сама. По будильнику.

Но едва успела начать: «Ну, ладно, короче», — отец оборвал:

— Одевайся. Собирай манатки. И вон отсюда.

Сильва опешила:

— Куда?

— Куда хочешь. К наркоманам. К бездомным. Под мостами с ними ночуй. Или вообще утопись. Будет лучше. Для всех.

— Э, Игнацио... ты уверен, что правильно поступаешь? — мачеха взглянула с сомнением.

— Я устал, — отрубил он. — Каждое утро одно и то же. Скандалы, вопли. Пусть проваливается. Я хочу пожить в тишине.

— Сильва, — мачеха смягчила голос, — ну, давай поговорим, как взрослые люди. Неужели ты не понимаешь? Миллионы людей во всем мире не высыпаются. Но они все равно встают, идут в школу, на работу.

— Ладно, — буркнула дочь. — Схожу я в вашу долбаную школу. Ща быстренько соберусь.

Но отца окончательно сорвало с катушек.

Жирным брюхом навалился на ее стол, выдергивает из компа провода. Злорадно оповещает:

— До Пасхи поживешь без гаджетов! Без игрищ своих безумных!

— Это ведь целых две недели! — взмолилась она.

А он — лэптоп под мышкой — еще и ее мобильник схватил.

— Совсем сбрендил? — заорала она. — Как я совсем без связи?

— Кнопочный дам, — злорадно усмехнулся отец.

— Да пошли вы оба! — взорвалась Сильва.

Почему всем одноклассникам повезло? У тех семейные ужины, вместе домашнюю пасту делают, в настолки играют, ездят на пикники. А у них — сплошные претензии да ругань. А если вдруг без скандала сидят все трое за столом, за готовой пиццей — всегда молча, каждый в свой телефон уткнулся.

Она схватила школьный рюкзак. Демонстративно, на пол, вывалила из него учебники. Распахнула шкаф. Начала, почти без разбору, набивать теплыми вещами.

— Игнацио, — нервно заломила руки мачеха, — она действительно сейчас уйдет. У нас будут неприятности.

Но отец лишь презрительно усмехнулся:

— Куда она денется? Есть захочет — вернется.

И Сильве больше ничего не оставалось — только рюкзак на плечи и на прощанье, от души, шарахнуть дверью.

ДАВНО

Богдана родилась в Кувшинино, между Тверью и Торжком, в деревянном домишке. Официально считалось поселение городом, но все жители называли деревней. Каменные дома только в центре, где памятник Ленину, а чуть отойди — грязь непролазная, фонари разбиты, за колбасой — в Москву.

Жили втроем: бабушка, мать да внучка.

Мужчин в семье не имелось.

Дед погиб на Второй мировой. У мамы в паспорте штампы о браке стояли. Но родной Богданин отец замерз по пьянке, а отчим пять лет получил за кражу и сгинул на зоне.

Мама с бабушкой всегда притворялись, что им и самим нормально. Но Богдана-то видела: ничего хорошего. Денег вечно нет. Краны текут. Дрова заготовить — проблема. Восьмого марта только жалкий цветочек с работы. Поэтому сама хотела настоящую семью. Как на плакате «Госстраха», что в сарае висел: новенькие «Жигули», рядом с авто мужчина в импортном блейзере, при нем женщина в платье вельветовом, нарядно одетые ребяташки, а на заднем плане дача двухэтажная.

Мать над ее мечтой хохотала:

— Мужа она богатого хочет! Где его взять, да еще в Кувшинино? Блатные на своих женятся. Лейтенанта до генерала растить? Всю жизнь провозишься, а он в отставку майором уйдет. Начальниками только дети начальников становятся.

Богдана расстраивалась, бабушка утешала:

— Ты у меня принцессочка!

И читала на ночь красивые сказки — про Золушку, про Ассоль.

Мама язвила:

— Старую деву вырастишь!

Бабушка тихо сердилась:

— Она еще ребенок! Пусть мечтает!

Хотя девочка рано понимать начала: на самом деле принцев нет. В Кувшинино точно. Парни, едва в подростковый возраст входили, сразу пить начинали, курить, мат через слово. Если свой мотоцикл имеется — уже герой, девчонки хвостом ходят.

Но однажды — было тогда Богдане тринадцать — остановила ее цыганка. Предложила:

— Давай погадаю.

Школьница вздохнула:

— У меня денег нет.

— Не надо денег. Так скажу. — Взяла ее руку, поизучала и взглянула с уважением. — Ох, какая у тебя необычная жизнь будет! Миллионер, красавец, иностранец замуж будет умолять выйти. А ты откажешь.

Пьяная цыганка, что ли?

На дворе стоял 1987-й. Январский пленум ЦК КПСС уже состоялся, обновление всех сторон жизни страны объявили. Люди болтали о грядущих переменах, бабушка запоем читала только что разрешенных «Детей Арбата» и «Белые одежды», мама смотрела «Шестьсот секунд»¹, но в целом как было в Кувшинино болото, так и осталось.

А гадалка усмехается:

— Рожу не криви. Знаю, что говорю. И границы откроются, и миллионеры появятся. Они всегда на обломках.

— Каких еще обломках?

Предсказательница воздела грязный перст с ярким облупившимся лаком:

— Скоро беда начнется. Не будет такой страны Советский Союз. И партии коммунистической не будет.

— А куда ж оно денется?

— Все кувыркком полетит. Заводы встанут. Деньги в бумажки превратятся. Много людей погибнет, ты близкого человека потеряешь. И только через бубнового короля спасешься.

У Богданы еще тысяча вопросов: кто умрет, мать или бабушка? С матерью у нее отношения так себе, а бабулю жалко. И как король бубновый выглядеть будет?

Но цыганка больше ничего не сказала — что за интерес забесплатно стараться?

¹ Передача на Ленинградском телевидении. Выходила с 1987 по 1993 год и считалась одним из символов перестройки.

Богдана с девчонками постоянно гадала — на картах, на кофейной гуще, — поэтому к пророчеству отнеслась со всей серьезностью. Немедленно бабушке бросилась докладывать.

Та поджала губы:

— Чего слушаешь всяких дур? С чего бы Советскому Союзу рушиться? Семьдесят лет стоит и еще тысячу продержится.

— Так перестройка! Ветер перемен!

Но старуха отмахнулась:

— Поболтают — и по-старому станет. Много раз так было. То НЭП, то кукурузу вместо хлеба растили. А потом все назад возвращалось.

Когда живешь в Кувшиново, действительно трудно в перемены поверить. Это в Москве с Питером и митинги, и доллары купить можно, и «Мерседес» на улице увидеть.

А у них только кооперативное кафе открылось на главной площади. Богдана с подружками заглянули: скатерти белые, известная на весь город хамка-официантка вместо грязного халата в белой наколочке. С кислым видом говорит входящим «Здравствуйте». А шашлык десять рублей порция! Хотя на рынке килограмм хорошей свинины по два пятьдесят.

Ну, и в школе событие. Трое десятиклассников объявили: выходят из ВЛКСМ. Билеты комсомольские на стол, взносы платить отказались. Раньше бы выгнали отовсюду с треском, а сейчас ничего, сошло.

Но в их семье ничего не менялось. И бабушка Богдану настраивала: «Хочешь принца — учись. Ез-